

ИНТОНАЦИЯ СВЯЗНОГО ТЕКСТА

TEXT INTONATION

Т.Е. Янко (tanya_yanko@list.ru)
Институт языкознания РАН

Рассмотрено несколько русских интонационных стратегий, выражающих незавершенность текста, в комбинации со значениями контраста, эмфазы и верификации, выражение значений и их композиций средствами изменения частоты тона и выбора словоформ-носителей акцентных пиков, а также функции стратегий в тексте.

В русской речи сложилось большое разнообразие интонационных типов текстовой незавершенности. Все они не имеют отдельных средств выражения и синкретично выражаются в комбинации с другими значениями. Стратегии незавершенности различаются по вкладу в течение повествования и по набору значений, в комбинации с которыми вступают.

В предложении могут быть одновременно выражены средствами изменения частоты тона и выбора носителя акцентного пика значения, как минимум, трех типов. Это иллюкативная сила, контраст и незавершенность текста. Так, в примере *Я тогда пиджак[˘] снял^ˆ*, <на почту поскорее побежал... > с падением тона на *пиджак* и подъемом на *снял* словоформа *пиджак* – акцентоноситель ремы, а *снял* – акцентоноситель незавершенности. (Здесь и ниже в примерах акцентоносители коммуникативно релевантных акцентов обозначены полужирным шрифтом, падение частоты тона на ударном слоге акцентоносителя обозначается стрелкой вниз, подъем тона – стрелкой вверх.) В предложениях с той же лексико-синтаксической структурой *Я тогда снял^ˆ пиджак...* с подъемом на *снял* и *Я тогда снял пиджак^ˆ...* с подъемом на *пиджак* наблюдаются уже другие типы незавершенности. Значит, лексико-синтаксическая структура *Я тогда снял пиджак* реализует, как минимум, три типа незавершенности, но в действительности за счет разнообразия, вносимого типом восходящего акцента и привносимым при этом значением, вариантов оказывается еще больше. Это может быть подъем ИК-3 с падением на заударных слогах, как в рассмотренных выше примерах, подъем ИК-6 с ровными заударными и подъем на заударных ИК-4 (по Е.А. Брызгуновой); об интонационных конструкциях см. Русская грамматика 1982: 97-111. Например, при подъеме типа ИК-6 на *пиджак* с ровными и растянутыми заударными предложение включается в контекст мечтательного воспоминания: *Я тогда пиджа-ак сня-ял, телеви-изор включил...* Кроме того, незавершенность может осложняться контрастом, эмфазой и верификацией.

Значит, без учета текстовой незавершенности анализ интонации был бы неполным, поэтому интонация текста рассматривается здесь не автономно, а как элемент единой интонационной структуры языка.

Другой принцип состоит в учете выбора носителей акцентных пиков, т.к. стратегии с разной семантикой могут различаться только выбором акцентоносителя.

В разделе 1 ниже анализируются две из известных нам стратегий незавершенности. Другие стратегии мы не рассматриваем не только за отсутствием места, но и потому, что их семантика и выбор акцентов и акцентоносителей существенно иные, чем те, которые анализируются здесь. Так например, здесь не рассматривается стратегия мечтательного воспоминания. Раздел 2 помещает стратегии незавершенности, рассмотренные в разделе 2, в контекст контраста, эмфазы и верификации. Сравнение стратегий из разделов 1 и 2, показывает, что комбинации незавершенности с контрастом и эмфазой меняют выбор акцентоносителей по сравнению с контекстами в отсутствие этих значений. Основная задача раздела 2, а также в существенной степени и данной работы в целом – определить набор и линейную последовательность акцентоносителей в предложении для разнообразных стратегий, и в частности, в контексте контраста и эмфазы, а также показать, что выделенные здесь стратегии и их комбинации с контрастом и эмфазой – разные.

1. Стратегии незавершенности

1.1. Конечное сказуемое как показатель незавершенности

Начнем с незавершенности, представленной группой примеров (1)-(4) из базы данных устных отчетов детей об их сновидениях (Кибрик, Подлесская 2003).

Она меня вот **сюда** \ вот укусила \, < мне тетя че-то сказала... > (1)

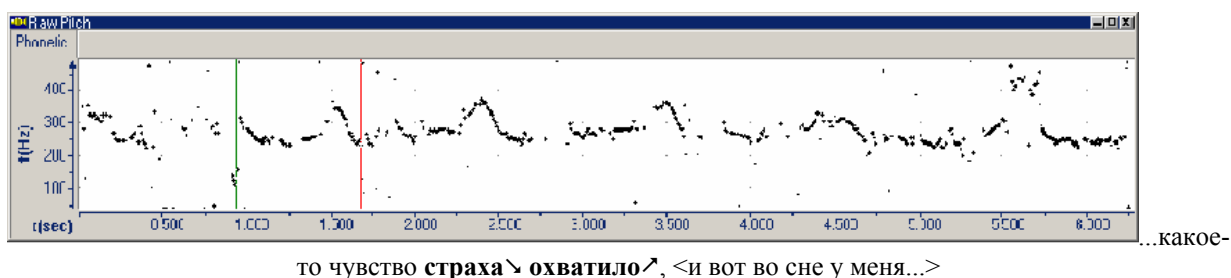
И когда **обратно** \ уже бежали \, < ммм сейчас... > (2)

Я из **комнаты** \ **выхожу** \, < когда вхожу, она уже наполовину пустая. > (3)

И вот во сне > какое-то чувство **страха** \ **охватило** \, < и вот во сне у меня... > (4)

Обратимся к тонограмме 1 примера (4).

Тонограмма 1

...какое-то чувство **страха** \ **охватило** \, < и вот во сне у меня... >

Тонограмма демонстрирует падение частоты тона на подлежащем *чувство страха* с акцентоносителем словоформой *страха* и подъем ИК-3 на сказуемом *охватило* с повышением на ударном слого -*ти*- и падением на -*ло*. Фрагмент *страха \ охватило * на тонограмме выделен курсорами.

Аналогично, в примерах (1)-(3) можно наблюдать падение на актанте глагола и подъем на конечном сказуемом: *сюда \ вот укусила *; *обратно \ уже бежали *; *из комнаты \ выхожу *. Если сравнить предложения (1)-(4) и (1a)-(4a) с той же лексико-синтаксической структурой, что и (1)-(4), но свободные от контекста, т.е. в отсутствие незавершенности, окажется, что носители нисходящего акцента в (1)-(4) совпадают с акцентоносителями ремы в (1a)-(4a), естественно, тоже несущими падение тона, как это и должно быть у акцентоносителей ремы. Это словоформы *сюда*, *обратно*, *комнаты*, *страха*.

Она укусила меня вот **сюда** \ (1a)

Уже бежали **обратно** \ (2a)

Я выхожу из **комнаты** \ (3a)

Во сне меня охватило какое-то чувство **страха** \ (4a).

Такое совпадение акцентоносителей дает основание полагать, что и в (1)-(4) носители нисходящего акцента служат акцентоносителями ремы, или иначе, показателями иллюкутивной силы сообщения. О выборе акцентоносителя ремы см. Янко 2001:190.

Если указание на незавершенность отсутствует, акцент на сказуемом снимается даже в условиях конечного расположения сказуемого (и, соответственно, неконечного расположения акцентоносителя ремы):

Она меня вот **сюда** \ вот укусила (1b)

Уже **обратно** \ бежали (2b)

Я из **комнаты** \ выхожу (3b)

Какое-то чувство **страха** \ охватило (4b)

Значит, ударность сказуемого отвечает здесь за незавершенность.

Итак, при стратегии незавершенности, которую иллюстрируют примеры (1)-(4), акцентоноситель незавершенности – сказуемое, помещенное в конец предложения. Акцентоноситель ремы располагается перед сказуемым. Таким образом, цепочка релевантных акцентов при стратегии рассматриваемого типа – последовательность ИК-1—ИК-3. При этой стратегии каждое событие в цепи событий мыслится как отдельное, и его описание «продвигает» повествование вперед: *Я тогда пиджак*↗ *снял*↗, *на почту*↗ *поскорее побегал*↗, *жене телеграмму о снижении цен на фрукты*↗ *дал*↗. <Потому что личный покой прежде всего.>

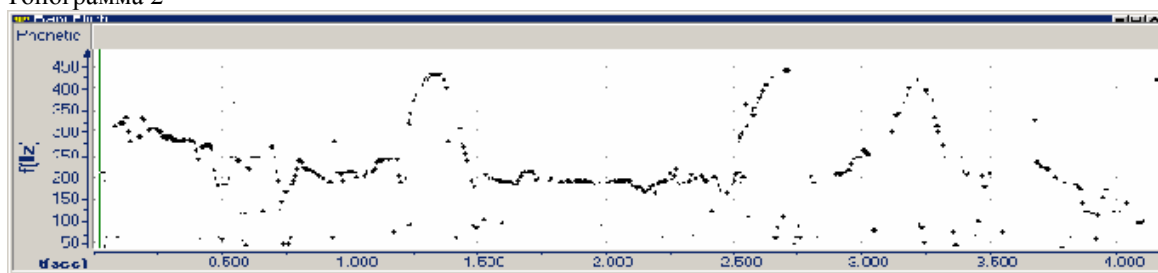
1.2. Стратегия множественных тем

Другая стратегия незавершенности основана на принципе множественных тем: неконечные предложения единого фрагмента текста играют роль тем, конечное предложение – рема или структура «тема-рема». Стратегию иллюстрирует рассказ пострадавшей от взрыва газа из телевизионной программы новостей (5).

Потом я уже подошла в другую комнату↗, *вот у меня выбито стекло*↗, *но запаха*↗ *газа не ощущаю*↘ (5)

Обратимся к Тоннограмме 2 предложения (5).

Тоннограмма 2

Потом я уже подошла в другую комнату↗, *вот у меня выбито стекло*↗, *но запаха*↗ *газа не ощущаю*↘

Здесь предложения *Потом я уже подошла в другую комнату* и *вот у меня выбито стекло* представлены как темы, последнее предложение *но запаха газа не ощущаю* разделено на тему *запах газа* с акцентоносителем словоформой *запах* и реме *не ощущаю*, которая служит заключительной ремой всего фрагмента. Тоннограмма показывает, что на акцентоносителях тем фиксируется подъем ИК-3 с повышением на ударном слоге и падением на заударных, если они есть. В словоформах *комнату* и *запах* заударные слоги есть, и на них фиксируется падение, а в словоформе *стекло* заударных нет. (Кроме того, в неконечных предложениях факультативно могут быть свои внутренние темы. В примере (5) таких тем нет.) События при использовании данной стратегии могут пониматься как одновременные или как последовательные, но никакой внутренней законченности у каждого компонента в отдельности нет. Скорее, они рассматриваются как сюжетный фон для другого – более важного – события.

2. Незавершенность, осложненная контрастом, эмфазой и верификацией

Рассмотрим незавершенность в контексте других коммуникативных значений. В качестве отправной точки анализа здесь приняты примеры незавершенности, у которой, как и у стратегий, рассмотренных на примерах (1)-(4) и примере (5), основным средством выражения служит акцент ИК-3, но где выбор акцентоносителей не укладываются в картину, представленную в примерах (1)-(4) и (5). Задача – выяснить, в чем различия.

2.1. Незавершенность в контексте контрастной и эмфатической ремы

Обратимся к примерам (6)-(10), в которых, как и в (1)-(4), имеется последовательность акцентов ИК-1—ИК-3 или ИК-2—ИК-3. (Упрощая ситуацию, будем считать, что ИК-2 – это «интенсивный» и совершающийся с большим, чем ИК-1, перепадом частот вариант ИК-1.) Между тем в (6)-(10) иной, чем в (1)-(4), выбор носителей акцентов. В (1)-(4) носителем восходящего акцента незавершенности служит сказуемое, а в (6)-(10) это не так.

Не сходил↘ *так в туалет*↗... (6)

Он не привязан, а прибит↗ *гвоздями*↗... (7)

Это была третья↘ *часть моего сна*↗... (8)

Там я ходил еще по какому-то лабиринту... (9)

Не хотелось мне этого делать... (10)

Можно заметить, что в предложениях (6)-(9) представлены ситуации, связанные с контрастом; об акцентах контраста см. Янко 2001: 47-60 и цитированную там литературу. Контраст традиционно связывается с выбором из некоего известного говорящему и слушающему множества и с соотношением текущего высказывания с некоторым мнением или ожиданием, с которым говорящий соглашается или нет. Так, в (6) говорящий корректирует ожидания слушающего, который, исходя из предтекста, должен был бы предположить, что говорящий реализовал свое намерение; намерение, между тем, осталось неосуществленным. Рассказчица подчеркивает: *не сходила так в туалет...* В (7) контраст выражен эксплицитно: *не привязан, а прибит...* В (8) контекст подсказывает, что третьей части сна предшествовали первая и вторая и что говорящий фиксирует внимание на переходе именно к третьей части. В (9) фигурирует слово *еще* в его контрастном употреблении. Оно значит, что говорящий раньше уже ходил по лабиринту, и в точке отчета ему приходится снова ходить по лабиринту; об этом – контрастном – значении *еще* см. Николаева 1985: 69, 122. За всеми ситуациями стоит сопоставление объектов и/или соотношение с мнением/ожиданием, т.е. примеры (6)-(9) содержат лингвистические или экстралингвистические контексты контраста. В примере (10) мы наблюдаем не контраст, а, скорее, эмфазу, т.е. выражение чувств говорящего, не желающего делать то, что вынуждают его обстоятельства: *Не хотелось...* Эмфаза, как и контраст, требует особого акцентного выделения (Янко 2001: 95, 119-121).

Итак, возникает гипотеза о том, что здесь перед нами средство композиционного выражения в одном предложении трех коммуникативных значений: ремы, контраста (или, в (10), эмфазы) и текстовой незавершенности. Механизм выбора акцентов и акцентоносителей таков. В контрастной реме акцентоноситель выбирается по правилам выбора акцентоносителя в контрастной коммуникативной составляющей; правила см. в Янко 2001: 73. На акцентоносителе фиксируется нисходящий акцент (в противоположность восходящему), т.к. он маркирует рему. (На теме акцент был бы восходящий.) Контраст же маркируется повышенной интенсивностью и увеличенным диапазоном частот. Значит, контрастная рема здесь выражается нисходящим акцентом ИК-2, интенсивным коррелятом ИК-1. Соответствующий акцентоноситель располагается в цепочке релевантных акцентов на первом месте. Акцентоноситель же незавершенности выбирается по правилам выбора акцентоносителя в ситуации, как если бы контраста в предложении не было, ср. нейтральные предложения (6а)-(9а), которые служат коррелятами (6)-(9) в отсутствие контраста и в отсутствие незавершенности. (Стратегию, представленную в (6а)-(9а), в распространившихся в типологии терминах следовало бы назвать дефолтной, т.е. применяемой по умолчанию в условиях «минимального» контекста, когда выражается только обязательное значение – рема, а необязательных значений контраста и незавершенности нет.)

Я не сходила в туалет... (6а)

Он прибит гвоздями... (7а)

Это была третья часть моего сна... (8а)

Там я ходил по какому-то лабиринту... (9а)

Мне не хотелось мне этого делать... (10а).

Вернемся к (6)-(10). Акцентоноситель незавершенности в (6)-(9), как мы видим, – это акцентоноситель актанта сказуемого. Он выбран в полном соответствии с правилами выбора акцентоносителей коммуникативных составляющих, см. Янко 2001: 73. Он несет акцент ИК-3 и располагается в конце цепочки релевантных акцентов. При эмфазе распределение акцентоносителей такое же, как и при контрасте, но акцент, выражающий эмфазу, имеет интонационные признаки, характерные для эмфатической ремы. Несколько упрощая картину, мы помещаем примеры на контраст (6)-(9) и эмфазу (10) в один список, потому что здесь принцип выбора акцентоносителей контрастной и эмфатической ремы одинаков.

Мы видим, что распределение акцентов в контексте контраста и эмфазы не совпадает с картиной, представленной в разделах 1.1 и 1.2. Продемонстрируем это на примерах.

Действительно, применение стратегии, описанной в разделе 1.1, к лексико-синтаксическим структурам данного раздела, т.е. к примерам (6)-(10), дало бы следующие результаты:

Я в туалет не сходила... (6б)

Он гвоздями прибит... (7б)

*Это уже **третья** \ часть моего сна **была** \ (8b)*

*Там я по какому-то **лабиринту** \ **ходил** \ ... (9b)*

*Мне этого **делать** \ не **хотелось** \ ... (10b)*

Значение контраста (и эмфазы) в искусственно сконструированных примерах (b) сходит на нет, но эффект незавершенности сохраняется, т.е. в (6)-(10) и в (6b)-(10b) соответственно перед нами две разные стратегии с различным значением и различным выбором акцентоносителей, ср.: *Он <не привязан, а> **прибит** \ **гвоздями** \ ... vs. *Он **гвоздями** \ **прибит** \ ...**

Итак, выражение значений в примерах (6)-(10) имеет сходство со средствами выражения значений в примерах (1)-(4), т.к. в обоих случаях имеются акцентоносители для ремы и незавершенности соответственно. Однако мы видим, что выбор акцентоносителей для простой ремы в (1)-(4) и для контрастной в (6)-(9) различен.

Убедимся теперь в том, что акцентирование в (6)-(10) не совпадает и с типом множественных тем (раздел 1.2). То, что у (6)-(10) нет совпадения с простыми множественными темами, очевидно, хотя бы потому, что для простых множественных тем достаточно одного подъема на акцентоносители темы, а в (6)-(10) наблюдается два акцента – падение и подъем. Требуется показать, что совпадение (6)-(10) с композицией множественных тем и контраста тоже отсутствует. Для этого покажем, что, во-первых, стратегия множественных тем действительно сама совместима с контрастом, и что, во-вторых, при такой комбинации, распределение акцентов будет иным, чем в (6)-(10).

Со стратегией множественных тем в контексте контраста хорошо сочетаются лексико-синтаксические структуры (7) и (8). Построим из них предложения-темы в контексте контраста:

*Он не привязан, а **прибит** \, <и не за руки, а за рукава пальто> (7с)*

*Это была уже **третья** \ часть моего сна, <и на этом меня разбудили> (8с).*

Мы видим, что в (7с)-(8с) представлен другой способ сочетания контраста с незавершенностью по сравнению с (6)-(9). Значит, в русском языке имеется, как минимум, два способа выразить текстовую незавершенность в композиции с контрастом: такой, как в (7с)-(8с), и такой, как в (6)-(9).

Заклучим. В данном разделе была продемонстрирована русская языковая техника для выражения незавершенности и контраста средствами изменения частоты тона и выбора акцентоносителей и показано, что способы, разработанные языком для выражения данных комбинаций значений, отличаются от интонационных стратегий, рассмотренных выше в разделе 1.

2.2. Незавершенность плюс верификация

Комбинация значений ‘незавершенность’ плюс ‘верификация’ реализуется в рамках стратегии множественных тем, рассмотренной в 1.2, о верификативном значении см. Адамец 1978. Соединение значений ‘тема’ и ‘верификация’ дает новое – идиоматичное – значение, не сводимое в точности к комбинации составляющих его компонентов. Это референция к положению дел, которое мыслится как свершившийся факт. Этот факт служит условием или сигналом для перехода к другому положению дел: ‘Когда событие E₁ становится фактом, становится возможным и E₂’. Значение сигнала к переходу от E₁ к E₂ характерно именно для повествования о, как минимум, паре последовательных событий: *Вася **пришел** \, и мы пошли гулять; Вот погода хорошая **будет** \, и мы пойдем гулять; Я из комнаты **вышла** \, а там папа стоит.* Акцентоноситель верификации – финитный глагол (Адамец 1978: 101-103; Янко 2001: 61-62).

В отчетах детей о сновидениях верификативная тема очень частотна:

*Я **увидела** \ Аню, и так обрадовалась (11)*

*Потом он **сказал** \ мне два слова на русском, и мы уехали (12)*

***Обошел** \ где-то пол-улицы, никого не было (13)*

*Я **вернулся** \ домой, и их увидел (14).*

Если бы говорящий использовал не верификативную стратегию сообщения о факте, а стратегию сообщения о неверифицированном событии, описанную в разделе 1.2, предложения с лексико-синтаксической структурой (11)-(14) имели бы другой акцентоноситель:

*Я увидела **Аню** \, и так обрадовалась (11а)*

Потом он сказал мне два слова на русском[↗], и мы уехали (12b)

Обошел где-то пол-улицы[↗], никого не было (13c)

Я вернулся домой[↗], и их увидел (14d).

Ср. также другие пары уже фигурировавших выше примеров, где первый член пары реализует стратегию в режиме верификации, а второй – стратегию простых тем, рассмотренную в разделе 1.2: *Вася пришел[↗], и мы пошли гулять* vs. *Пришел Вася[↗], и мы пошли гулять*; *Вот погода хорошая будет[↗], и мы пойдем гулять* vs. *Вот будет хорошая погода[↗], и мы пойдем гулять*; *Я из комнаты вышла[↗], а там папа стоит* vs. *Я вышла из комнаты[↗], а там папа стоит*.

Покажем теперь, что стратегия, реализованная в примерах (11)-(14), отлична и от стратегии, рассмотренной в разделе 1.1, ср. *Чувство страха[↗] охватило[↗]...* Поводом для сравнения служит акцент ИК-3, носителем которого в обоих случаях оказывается глагол.

Обратимся к семантике. Поскольку соединение значений ‘темы’ и ‘верификации’ дает результирующее значение факта, к контексту актуально разворачивающихся событий и процессов стратегия, обозначающая факт, должна была бы быть неприменима. (Об оппозиции ‘событие’/‘факт’ Арутюнова 1998: 488-539.) Проявим такую несовместимость на примере. Возьмем лексико-синтаксическую структуру (15), обозначающую событие, и покажем, что акцент ИК-3 на глаголе здесь действительно неуместен:

?Я как раз разговаривал[↗] по телефону, и не заметил, как пришел Вася (15).

Акцентоносителем темы при условии, что акцент в первом предложении единственный, может быть только словоформа *телефону*:

Я как раз разговаривал по телефону[↗], и не заметил, как пришел Вася / Я как раз по телефону[↗] разговаривал... (15a)

Между тем стратегия, описанная в разделе 1.1, которая не связана с верификацией, в применении к лексико-синтаксической структуре (15) вполне уместна:

Я как раз по телефону[↗] разговаривал[↗], и не заметил, как пришел Вася (15b)

Итак, к лексико-синтаксической структуре (15) стратегия сообщения о факте неприменима. Семантика видо-временной формы глагола *разговаривал* и «событийно-процессного» контекста создает референцию к событию, что противоречит коммуникативному значению линейно-акцентной структуры с ее референцией к факту. Между тем стратегия, рассмотренная в разделе 1.1, прекрасно сочетается с лексико-синтаксической структурой (15), ср. пример (15b). Значит, рассмотренная здесь верификативная стратегия, отлична от нечувствительной к оппозиции ‘событие’ vs. ‘факт’ стратегии, рассмотренной в подразделе 1.1.

Рассмотрено несколько русских интонационных стратегий незавершенности текста в комбинации со значениями контраста, эмпазы и верификации, выражение значений и их композиций средствами изменения частоты тона и выбора словоформ-носителей акцентных пиков, а также функции стратегий в тексте.

Список литературы

1. Адамец П. Образование предложений из пропозиций в русском языке // Acta Universitatis Carolinae Philologica. Praha. LXIX. 1978.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека // М.: Языки русской культуры, 1998.
3. Кибрик А.А., Подлеская В.И. К созданию корпусов устной русской речи // НТИ. Сер. 2. N10. 1998.
4. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. // М., 1998.
5. Русская грамматика Т. 1, М.: Наука. 1982.
6. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.